

Глава первая

Топая по гравию измученными и усталыми ногами, чтобы хоть немного их согреть, Нина в девяносто пятый раз за десять минут посмотрела на свой телефон и чуть не выронила его из рук. Куда делся Ник, черт его побери? Он уже опаздывал на четверть часа, и ее пальцы были готовы отломиться, что лишь усиливало овладевшее ею чувство бедствования. Здесь, у черного входа на кухни, на служебной парковке, где она стояла теперь, негде было укрыться от промозглого ветра, со свистом налегавшего на каменный особняк, и, уж конечно, от мрачных мыслей в ее голове.

— Нина, привет, ты уверена, что тебя не надо подвезти? — спросила Марчела, одна из официанток, — говорила она с сильным акцентом. Она опустила окно, сдавая задом с одного из парковочных мест.

— Нет. — Нина отрицательно покачала головой. — Все в порядке, спасибо. За мной едет брат. — Или уже лучше ему не ехать. Нине хотелось бы сидеть сейчас в этом маленьком запотевшем автомобиле с Марчелой и двумя другими коллегами, и она чуть не рассмеялась, подумав об этой довольно противной иронии. Мать настояла, чтобы Ник забрал ее, и она была бы спокойна, зная, что дочка в безопасности. А дочка стояла тут на парковке в полной темноте и через секунды должна была остаться еще и в полном одиночестве.

— Ну, как хочешь. Увидимся через восемь недель.

— Ха! — прозвучал с заднего сиденья мрачный голос, говоривший с восточноевропейским акцентом — Томас, сомелье, круглогодичный пессимист. — Неужели ты и вправду думаешь, строители закончат в срок?

Добродушно настроенный хор голосов заглушил его.

— До скорой встречи, Нина.

Они все замахали, прокричали слова прощания, Марчела еще поднимала окно, когда древний «Поло» с ревом сорвался с места, словно Марчела, сидевшая за рулем, не могла дождаться конца своей смены и возможности лечь и поднять ноги повыше. Именно это надеялась сделать и Нина, если ее брат когда-нибудь доберется сюда.

Наконец она увидела свет фар машины, направляющейся в ее сторону по подъездной дорожке. Это наверняка был Ник. Почти все остальные уже уехали. Сделав резкий разворот под громкий хруст гравия, машина остановилась перед Ниной.

Она рванула дверь.

— Привет, сестренка. Давно ждешь? Извини, несчастный случай с овцой.

— Давно, — отрубила Нина; она забралась в машину, благодарная за тепло в салоне. — На улице такой зверский колотун. Как я буду рада, когда мою машину отремонтируют.

— Расскажи мне про свою машину. Я сам так замерз, всю дорогу к тебе оттаивал. Там, понимаешь, ягненок застрял в сеточной ограде вдоль дороги. Мне пришлось остановиться и помочь этому дурацкому животному выпутаться.

Глупо, наверно, было думать, что у овечки в холодный февральский вечер есть по крайней мере отличная густая шерсть, тогда как на ней юбка и колготки.

— Так как там прошло? Я имею в виду вчерашний вечер, — сказал Ник. Он чуть наклонился вперед и выключил

чил радио, которое орало на полную мощность, — шел репортаж с футбольного матча. — Хорошо проводили твою напарницу?

— Отлично. Грустно немного — мы ведь теперь не увидимся, пока реновация не закончится. А все это время Сьюки будет в Нью-Йорке.

— В Нью-Йорке? Крутые перемены.

— Она блестящий шеф-повар. Ездит повсюду.

— Ну, я уже понял. В Нью-Йорк. А что делают все остальные?

— Штатный состав передислоцируется и проходит переподготовку.

— Мне это кажется немного несправедливым. А почему не ты?

— Наверно, потому, что у меня временный контракт.

— Слушай, мы тебе точно сможем найти несколько дополнительных часов в фермерском магазине и еще в кафе. А Дэн организует тебе подработку в пивоварне. Думаю, сестра Гейли сможет платить тебе, если будешь сидеть с детьми, а у Джорджа наверняка найдется работа на бензоколонке, им всегда нужен дополнительный персонал. Правда, в ночные смены, так что, наверно, тебя это не устроит.

Нина закрыла глаза. Она была абсолютно уверена, что, нравится ей это или нет, каждый человек в семье внесет свою лепту в поиски работы для «бедной Нины», пока ресторан «Боденброк Мейнок» закрыт на реновацию. Нет, она не была неблагодарной, они все желали ей добра, но она уже выросла и вполне сама могла найти себе работу, не используя бесчисленные семейные щупальца, готовые ради нее протянуться во все стороны. Она любила свою семью до потери сознания, правда, но...

— А как насчет демонстрации неодобрения? — спросил Ник, поворачивая к ней голову.

— Никак, — сказала Нина, закрывая глаза. — Боже, как я устала. Ноги болят так, словно по ним сто слонов прошлись.

— Слабачка, — поддразнил ее Ник.

— Я на ногах с девяти утра, — сказала она. — А ресторан был набит под завязку. Даже ланч некогда было съесть.

— Так не годится. Ты должна была сказать что-нибудь.

— Не так-то все просто. Все заняты. На настоящий перерыв и времени-то не было.

— Только не говори мне, что ты сегодня ничего не ела.

Нина пожала плечами. Она, к ужасу матери, выбежала из дома, не позавтракав.

— Если и поела, то чуть-чуть.

В животе у нее совсем некстати заурчало именно в этот момент, словно ставя под сомнение ее ответ. Ее живот явно не соглашался, что рогалика и ломтика сыра достаточно на весь день.

Ник насупился.

— И все же. Хочешь, я поговорю с вашим менеджером, когда ресторан откроется заново?

— Нет, у меня все в порядке. Мы пообедаем дома.

— Но это...

— Ты там не работаешь, а потому не можешь понять. — Голос Нины от возбуждения зазвучал громче. Типичный Ник: вечно думает, что он точно знает, как лучше.

— Мне не нужно понимать. Есть закон о труде. Тебе полагаются перерывы. Это...

Его речь очень вовремя прервал фанфарный рингтон телефона, вырвавшийся через динамики его беспроводной голосовой связи.

— Ник Хадли, — сказал он, нажав кнопку «принять вызов» на панели управления.

Нина откинулась на спинку своего кресла, благодарная за это вмешательство, которое давало ей идеальную возможность закрыть глаза, отключиться и до самого дома делать вид, что она дремлет.

— Привет, Паст, как там носки?

Нина напряглась. Все ее сухожилия при звуке этого знакомого насмешливого голоса защелкнулись на своих местах. Друзья часто называли ее брата Паст — укороченное от «пастух», их, казалось, зациклило на детской версии рождественской песни «Пока по ночам пастухи стирали носки».

— Все в порядке. Как твои дела, Головорез? Все еще выступаешь за этих говнюков, которые выдают себя за регбийную команду?

Головорез — явно было не самым удачным прозвищем для шеф-повара. Высокомерный, Презрительный, если уж на то пошло, были бы лучше.

— Не говори ничего, приятель. Они были полными олухами против Франции. А я заплатил за билеты немалые деньги.

— Ты что — ездил на «Стад де Франс»?¹ Ишь ты, удачливый говнюк.

— Не такой уж удачливый, раз эти засранцы проиграли.

— А представь-ка поездку на Калькуттский кубок?² Ты же не хочешь надолго осесть во Франции. Там к тебе могут прилипнуть дурные привычки.

— Тут есть маленькая проблемка.

¹ Stad de France (*фр.*) — «Стадион Франции», стадион в Париже, построенный специально к чемпионату мира по футболу 1998 года во Франции. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

² К а л ь к у т т с к и й к у б о к — трофей, присуждаемый победителю регбийного матча между командами Англии и Шотландии.

— Какая? — спросил Ник.

— Я прикован к постели. Поэтому-то и звоню.

Нина сжала губы — кто-то, возможно, назвал бы появившееся на ее лице выражение саркастической улыбкой. Себастьян явно не подозревал, что она слышит их разговор, да Нина и не хотела, чтобы он знал. Послушать их дурацкий диалог, так никто бы и не догадался, что это общаются двое взрослых мужчин, а не пара подростков, хотя такое предположение было бы вполне логично. Она определенно не хотела вспоминать о Себастьяне-подростке или о том, как она из-за него выставила себя полной идиоткой. К несчастью, подростковая любовь к лучшему другу брата, вероятно, худшее, что может случиться в жизни, потому что даже сейчас, десять лет спустя, кто-то в семье время от времени возвращался к этой теме.

— Что случилось?

— Стоило мне выйти за дверь, как я сломал ногу.

— Черт побери, старик. Когда это случилось?

— Дня два назад. На меня свалился один из этих дурацких чемоданов на колесиках. Я упал, а нога в этот момент подвернулась.

— Боже ты мой. А как твой бизнес — в порядке?

— Нет, — прорычал Себастьян. — Всюду полная жопа. Одно из новых мест, которые я прикупил в Париже, оказалось котом в мешке. Предыдущий владелец вел курсы по изготовлению кондитерских изделий и забыл мне сказать, что заключил договор на семинедельный курс, по этому договору уже все расписано и оплачено.

— А отменить сделку ты не можешь? — спросил Ник, включая поворотник и сворачивая с главной дороги на восторостепенную, ведущую в деревню.

— К сожалению, я уже принял на себя обязательства. Думал, все будет в порядке, потому что я могу поручить

моим подрядчикам начать работы на двух других местах, а на это уйдет пара месяцев, так что дела вполне могли бы идти нормально. И все бы ничего, если бы я не сломал эту чертову ногу.

Нина сжала губы. Обычно она никому не желала несчастий, но Себастьян действовал на нее, как красный цвет на быка. Нет, она злилась не на его успехи, видит бог, он как проклятый спину гнул, чтобы стать шеф-поваром его собственной маленькой сети ресторанов. Слишком уж гнул, на ее взгляд. Нет, дело было в этом его надменном превосходстве. Каждый раз, когда она сталкивалась с ним на протяжении этих десяти лет, неизменно оказывалась в проигрышном положении. А последний раз был просто унижительный.

— А кого-нибудь найти на эту работу ты не можешь?

— Вряд ли можно кого-то найти за такие короткие сроки. Курсы начинаются на следующей неделе. К тому же на следующие несколько недель мне не нужно ничего, кроме пары свободных ног. Пока с меня не снимут гипс.

— Слушай, Нина могла бы тебе помочь. Ее отправили в отпуск.

Нина выпрямилась на сиденье, вонзившись прищуренным взглядом в своего невероятно глупого братца. У него что — мозги отшибло или что? Почувствовав движение в машине, Ник повернул голову, и она увидела блеск его зубов в темноте — он улыбался ей во весь рот.

— При всем уважении, Ник, твоя сестра — последний человек в мире, которого я бы взял себе в помощники.

Ухмылка Ника потемнела. В машине наступило продолжительное молчание.

Потом Себастьян пробормотал:

Джули Кэплин

— О, черт побери, она там, рядом с тобой, да?
Нина с ледяной улыбкой распрямила плечи.

— Вот уж воистину «черт побери». При всем моем уважении, Себастьян, я бы предпочла кастрировать овец зубами на ферме, чем помогать тебе.

С этими словами она наклонилась, ткнула пальцем в панель управления и отключила телефон.

Глава вторая

Семейная кухня была настоящим ульем — тут все работало, ее мать носилась из угла в угол, надев перчатки-прихватки с цветочным рисунком, большой кухонный стол был накрыт на восьмерых, а на большой плите что-то шипело и пузырилось в сковородах.

— Нина, Ник. Как раз вовремя.

— Ух, как вкусно пахнет, — сказал Ник, бросая ключи от машины на комод к другому разнообразномухламу, который, казалось, накапливался там за один день, сколько бы их мать ни наводила там порядок. Хотя все четверо ее взрослых сыновей в той или иной степени покинули дом, они продолжали считать кухню своей собственностью, что приводило в восторг мать Нины. Ни один из ее отпрысков не заплутал где-нибудь вдали от дома. Ник, который был на два года старше Нины, жил в коттедже по соседству и помогал отцу в работе на ферме и с овцами. Он еще вел холостяцкую жизнь и, казалось, не спешил найти себе жену, а проводил время, испытывая потенциальных кандидатов.

— Садитесь. Наверняка с голоду помираете. А где Дэн и Гейл? Они сказали, что будут пять минут назад.

— Ма, это же Дэн. Он гарантированно опоздает на собственные похороны, — сказал Ник, наскоро чмокая ее в щеку и одновременно снимая шарф.